

**ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
БАРОН П. Н. ВРАНГЕЛЬ**





ройдут годы, и беспристрастный резец истории вырежет во весь громадный рост незабвенную фигуру нашего последнего Главнокомандующего. Историк-биограф опишет нам его жизнь, бурную, многогранную, но всю целиком отданную рыцарскому служению России... быть может, вспомнит и некоторые его ошибки, свойственные всякому человеку, но никто не сможет отнять у него заслуги – спасения Русской армии и ее чести...»

Таковыми словами начинался юбилейный сборник, выпущенный в 1938 году в Брюсселе в память 10-летия кончины последнего Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Барону Петру Николаевичу Врангелю суждено было стать участником Русско-Японской и Первой мировой войн, увидеть крушение Российской Империи и развал Армии в 1917 году, а в рядах Белого движения в 1918–1919 годах пройти путь от начальника дивизии до командующего Армией, чтобы в 1920 году возглавить вооруженное сопротивление большевизму на «последней пяди русской земли», как называли Крымский полуостров белые газеты. А после поражения он разделил со своей Армией тяжесть первых лет эмиграции. И неудивительно, что столь насыщенная, исполненная драматизма биография стала предметом пристального внимания и самых разнообразных оценок как со стороны современников генерала, так и последующих поколений историков, публицистов, писателей.

* * *

Петр Николаевич Врангель родился 15 августа 1878 года в городе Ново-Александровске Ковенской губернии в старинной остзейской дворянской семье, ведущей свою родословную с XIII века. Врангели (баронское достоинство с 1653 года) владели в Лифляндии и Эстляндии землями, пожалованными магистрами Ливонского Ордена и шведскими монархами. Военная служба была для большинства представителей этой фамилии главным занятием, целью жизни. Но отец Петра Врангеля не избрал военной карьеры. Детство и юность Петра прошли в Ростове-на-Дону, где его отец был директором страхового общества «Эквитэбль». Семья не отличалась богатством и связями, способными обеспечить детям хорошую карьеру, и будущему генералу приходилось рассчитывать только на собственные силы и способности.

В отличие от большинства офицеров того времени, Петр Врангель не обучался ни в кадетском корпусе, ни в военном училище. Получив начальное домашнее образование, он продолжил его в Ростовском реальном училище, а затем в Горном Институте в Петербурге. После окончания Института он отбывал воинскую повинность вольноопределяющимся 1-го разряда в рядах Лейб-Гвардии Конного полка, а в 1902 году, сдав испытание на чин корнета, был зачислен в запас Гвардейской кавалерии. Сослуживец Врангеля вспоминал, что барон «за несколько месяцев военной службы преобразился в высокомерного гвардейца. Я посоветовал молодому инженеру бросить полк и ехать на работу в знакомую мне с детства Восточную Сибирь. Как это ни странно, но доводы мои подействовали, и Врангель отправился делать карьеру в Иркутск».

Однако неопределенная должность чиновника для особых поручений при иркутском генерал-губернаторе вряд ли могла удовлетворить честолюбивую и деятельную натуру П. Н. Врангеля. Повлияло и начало войны с Японией, после которого он добровольно вступил в Действующую Армию. Участие в сме-

подготовка ограничивалась разговорами о «безумной и преступной политике», «произволе, злоупотреблениях и бездарности власти». Слышал он и о «заговоре», вызревавшем в самой Императорской Фамилии и связывавшемся с именами Великой Княгини Марии Павловны (Старшей), Великого Князя Кирилла Владимировича и Великой Княгини Виктории Феодоровны, об их намерениях, «в сотрудничестве с видными членами Думы», «изменить существующий порядок вещей».

Выглядит непонятным, почему недавний Конногвардеец и флигель-адъютант, казалось бы, убежденный монархист, участвует в разговорах о готовящемся перевороте, вместо того, чтобы, как подобает верноподданному, предотвратить его. Однако из воспоминаний барона Врангеля становится заметным противопоставление им самим монархического принципа и даже, точнее, принципа «твердой власти» – конкретному носителю этой власти в России, чем барон и готов оправдать участие в заговоре против *Монарха*, но во имя сохранения *Монархии*. Примечательно, что Петр Николаевич не считал отречение от Престола Императора Николая II самым страшным, что могло произойти с Россией: «Армия, как и вся страна, отлично сознавала, – пишет он, – что Государь действиями Своими больше всего Сам подрывает престол... Присягнув новому Государю, русские люди так же, как испокон веков, продолжали бы служить Царю и родине». Гораздо более опасным представлялось ему последующее отречение Великого Князя Михаила Александровича: «Пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства». И позднее, в годы Гражданской войны и эмиграции, барон уже не видел возможности для реставрации монархии, гораздо более приемлемой считая военную диктатуру как единственно возможную форму правления в условиях развала государства. Именно этот принцип он и попытается осуществить в качестве Правителя Юга России в 1920 году.

* * *

.Временное Правительство в глазах П. Н. Врангеля, как, впрочем, и многих представителей русского генералитета и офицерства, не имело никакого авторитета, особенно после того, как в Армии был введен контроль комитетов над командным составом. Недисциплинированные, распущенные, лужгающие семечки солдаты столичного гарнизона, бесконечные митинги, толпы празднующихся на грязных улицах раздражали бывшего Конногвардейца. В то время как генералы Л. Г. Корнилов, А. А. Брусиллов и даже будущий (эмигрантский) «Глава Императорского Дома» Великий Князь Кирилл Владимирович прикалывали на шинели красные банты, выступали на митингах с призывами к «защите демократии», генерал Врангель демонстративно продолжал носить на погонах вензеля Наследника Цесаревича Алексея Николаевича – бывшего Шефа одного из полков его дивизии.

Уйдя с поста начальника дивизии в апреле 1917 года, «не соответствовавший духу времени» генерал несколько месяцев не имел назначений по службе. Только в июле он вступил в командование Сводным конным корпусом, который двигался в арьергарде беспорядочно отходивших после неудачного наступления частей VII-й и VIII-й армий. С большим трудом корпусу Врангеля удалось прикрыть отступавшую пехоту на линии реки Збруч и в течение десяти дней удерживать фронт. За эту операцию «постановлением наградных Дум сводного конного корпуса» генерал был награжден солдатским Георгиевским Крестом IV-й степени (награждения офицеров солдатским «Егорием» были



введены Временным Правительством в порядке «демократизации армии», дабы продемонстрировать «доверие» солдат своим командирам). Однако для П. Н. Врангеля, имевшего к тому времени уже все ордена до ордена Святого Владимира III-й степени с мечами, подобная награда, очевидно, мало что значила, и позднее в своих мемуарах он даже не упомянет о ней.

После провала летнего наступления Русской Армии ошибки военного руководства и, в еще большей степени, бездарная, преступная политика Временного Правительства стали, по мнению П. Н. Врангеля, настолько очевидны, что вызванный ими «развал фронта и тыла» можно было остановить только твердыми, решительными мерами. Поэтому генерал полностью поддерживал действия нового Верховного Главнокомандующего, генерала Л. Г. Корнилова, по восстановлению порядка в Армии, даже не будучи с ним лично знакомым. «Со вступлением генерала Корнилова в должность Верховного Главнокомандующего в армии стала ощущаться крепкая рука... — писал он впоследствии. — Я знал о той борьбе, которую вел генерал Корнилов, настаивавший на предоставлении начальникам дисциплинарной власти, ограничении прав войсковых комитетов, установлении смертной казни в тылу для изменников и дезертиров. Я, со своей стороны, писал несколько раз, указывая на необходимость незамедлительно провести все эти меры, пока еще не поздно и армия не развалилась совсем». Поддерживая связь с Верховным, Петр Николаевич, очевидно, был в курсе готовящегося корниловского выступления. В случае успеха командира Сводного конного корпуса ожидало назначение на пост командующего войсками Петроградского военного округа.

Однако в «корниловские дни» распоряжения Верховного были проигнорированы в Штабе VII-й армии, в состав которой входил Сводный корпус, а попытки самого Врангеля отправить на помощь Корнилову кавалерийскую дивизию вызвали конфликт с армейским комитетом. Петр Николаевич подал рапорт об отставке, корпус же его приказом вступившего в должность Верховного Главнокомандующего А. Ф. Керенского был расформирован. Рассчитывать на продолжение военной карьеры Врангелю уже не приходилось — «демократический» военный министр, генерал А. И. Верховский, считал невозможным его назначение на какие-либо командные должности «по условиям политического момента и ввиду политической фигуры».

По мнению П. Н. Врангеля, после августа 1917 года «порядка» в стране практически не осталось. Все же Петр Николаевич не терял до конца надежды на реализацию «корниловской программы», принимая участие в работе Ставки Верховного Главнокомандующего, в частности, в обсуждении предполагавшейся «реформы армии». В условиях продолжающейся деморализации Врангель счи-

тал необходимым оставить на фронте только наиболее надежные ударные батальоны с последующим развертыванием их в полки и бригады. Выделенные из полков «негодные элементы» предполагалось свести в особые «рабочие роты с особо строгой дисциплиной», из которых затем отправлялись бы пополнения в Действующую Армию. Характерно, что больших надежд на воплощение в жизнь этой программы у самого генерала не было: «Выдвигая этот проект, я имел в виду другое – возможность войти в связь... с ударными батальонами, составленными из добровольцев, главным образом, офицеров»; тем самым могла быть подготовлена основа для нового военного выступления. Проект П. Н. Врангеля был утвержден в середине октября 1917 года, а уже через несколько дней власть Временного Правительства и номинального «Главковерха» Керенского оказалась сметенной большевицким переворотом в Петрограде.

* * *

Для генерала Врангеля события октября 1917 года стали закономерным итогом «восьми месяцев углубления революции». Но в становлении Белого движения он не принял участия. В те дни, когда в Новочеркасске генералом М. В. Алексеевым формировались первые отряды будущей Добровольческой Армии, когда на Дон пробирались генерал Л. Г. Корнилов и его сподвижники – А. И. Деникин, С. Л. Марков, И. П. Романовский и другие, – Врангель выехал из могилевской Ставки в Крым. Здесь, в Ялте, на даче, он проживал вместе с семьей как частное лицо. Поскольку ни пенсии, ни жалованья Петр Николаевич тогда не получал, жить приходилось на доходы от имущества родителей его жены в Мелитопольском уезде и банковские проценты.

Здесь, в Крыму, он пережил смену трех режимов – «Крымско-татарское национальное правительство», «Таврическую советскую республику» и германскую оккупацию. Со стороны татарского Меджлиса (парламента) ему было предложено возглавить войска Крыма, но принять под свое начало «демократизируемую армию» с теми же комитетами и комиссарами для генерала оказалось неприемлемым. А после того, как и в Крыму установилась Советская власть, он был арестован и заключен в тюрьму. В те дни по всему полуострову происходили казни и самосуды над офицерами, дворянами, чиновниками, по свидетельству очевидцев, «во всех городах лилась кровь, свирепствовали банды матросов, шел повальный грабеж», утверждалось, что за январь – февраль 1918 года было убито несколько тысяч человек, и неминуемая смерть, казалось, должна была ожидать и арестованного Врангеля.

Однако, как писал биограф Петра Николаевича генерал В. Н. фон Дрейер, за него «вступились бедняки квартала, где жил с семьей Врангель, всегда им помогавший». Сам же он главную роль в своем спасении отводил супруге Ольге Михайловне, разделившей его заключение. Ее самоотверженность поразила председателя ревтрибунала «товарища Вакулу», который и распорядился освободить чету Врангелей.

Такое быстрое и беспрепятственное освобождение дало повод некоторым современникам генерала высказывать подозрения, что Врангель был намеренно отпущен большевиками, рассчитывавшими на его сотрудничество, и что произошло это по указаниям германского Генерального Штаба (финансировавшего большевицкое руководство). Документальных подтверждений этой версии, однако, нет, и в любом случае это освобождение в условиях царившей в Крыму вакханалии можно считать чудом. Определенную роль здесь сыграло, очевидно, то, что зимой 1918 года на Юге красный террор еще не но-



Генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель

сил организованного, целенаправленного характера, а суд и расправа вершились в зависимости от настроений «революционных матросов и рабочих». Поэтому наряду со зверствами имели место и случаи «помилования» или «освобождения под честное слово» не воевать против Советской власти.

Получив свободу, П. Н. Врангель скрывался вместе с женой и детьми в горных татарских селениях вплоть до прихода в Крым германских оккупационных войск в апреле 1918 года.

Появление немцев – вчерашних врагов – русский генерал воспринял с двойственным чувством. «Я испытывал, – признавался он, – радость освобождения от унижительной власти хама и больное чувство обиды национальной гордости». Все же, благодаря немцам, стал восстанавливаться тот самый долгожданный «порядок», которого, по мнению отставного военачальника, тщетно было ожидать от Временного Правительства и тем более от крымского Меджлиса, не говоря уже о Советской власти. С установлением на Украине под немецким покровительством власти Гетмана П. П. Скоропадского для Врангеля, казалось бы, снова воскресла надежда на возвращение к своему военному призванию. Деятельная, энергичная натура Петра Николаевича томилась вынужденным бездействием, а Гетманский режим казался ему «первой точкой приложения созидательных сил страны». В конце апреля генерал выехал в Киев.

Почему же П. Н. Врангель не отправился на Дон, где в это время находилась Добровольческая Армия, а после длительного проживания в Крыму решил предложить свои услуги власти, державшейся только на германо-австрийских штыках? Думается, что главной причиной было простое отсутствие достоверной информации о борьбе Корнилова и Деникина. Другой причиной попытки сближения со Скоропадским могло стать личное знакомство последнего с Врангелем. Они вместе служили в 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии, вместе воевали в рядах Забайкальских казаков во время Русско-Японской войны. Под началом Скоропадского, в 1911–1914 годах бывшего командиром Лейб-Гвардии Конного полка, служил ротмистр Врангель. И теперь, с достаточным на то основанием, Петр Николаевич рассчитывал на содействие бывшего полкового товарища.

Но здесь его ожидало разочарование. Действительно, при первой же встрече Гетман предложил генералу Врангелю должность начальника Штаба своей армии, однако сама «армия» эта представляла собой в основном многочисленные управления еще не сформированных полков и дивизий. Кроме того, военное руководство «Украинской Державы» ориентировалось в основном на ту часть офицерства, которая признала «самостийность» бывших русских губерний. Назначение на высокий пост в Украинской Армии барона Врангеля, человека не украинского происхождения и отнюдь не «самостийных» убеждений, было вряд ли возможным. Поэтому далее частных бесед дело не пошло. Предпочтение «своим» (теперь уже казачьим) офицерам отдавалось и в Донской Армии, формировавшейся Атаманом Всевеликого Войска Донского генералом П. Н. Красновым, также грешившим «самостийностью». Теперь для П. Н. Врангеля оставался единственный путь для продолжения служения России – стать в ряды Добровольческой Армии.

* * *

В этом решении его укрепили беседы с генералом А. М. Драгомировым, проживавшим в то время в Киеве и намеревавшимся выехать в Екатеринодар,

куда его приглашал Верховный Руководитель Добровольческой Армии генерал Алексеев. Будущий председатель Особого Совецания при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России, Драгомиров сыграл заметную роль в жизни Врангеля. По его совету Петр Николаевич решил связать свою жизнь с Белым движением, и именно генерал Драгомиров был впоследствии председателем военного совета, передавшего Врангелю власть Главнокомандующего. Можно утверждать, что Драгомиров вообще был заинтересован в выдвижении П. Н. Врангеля на руководящие посты в военной и государственной иерархии Белого Юга.

25 августа 1918 года Врангель с семьей прибыл в недавно занятую белыми столицу Кубани – Екатеринодар. Здесь располагались штабные структуры Добровольческой Армии и ее тыловые управления. Первым, на что обратил внимание Врангель, было «большое число офицеров, особенно старших начальников, числившихся в резерве... ожидая отправки на фронт». Рассчитывать на соответствующее чину генерал-майора назначение не приходилось.

К осени 1918-го Добровольческая Армия уже сложилась как организованная, сплоченная трудными победами и пролитой кровью сила. В бесконечных жестоких боях возникла своеобразная офицерская иерархия, в которой не принимались в расчет прежние военные заслуги, чины, награды и звания. Главным критерием становилось участие в борьбе с большевиками с первых ее дней.

П. Н. Врангель не был знаком ни с одним из старших начальников Армии. Но, очевидно, не без участия А. М. Драгомирова, ему удалось быстро получить аудиенцию у ее Командующего. «До приезда моего в Добровольческую армию я почти не знал генерала Деникина, – вспоминал Врангель. – Во время Японской войны он недолго служил в корпусе генерала Ренненкампа, и я встречал его несколько раз... Генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника». Практически сразу же Петру Николаевичу было предложено принять временное командование 1-й конной дивизией. Необычность по Добровольческим меркам такого назначения следует объяснить утвердившейся репутацией Врангеля как талантливого полководца-кавалериста: «В ставке строго придерживались выдвижения на командные должности исключительно “первопоходников” (участников Первого Кубанского похода. – В. Ц.), наиболее продолжительное время служивших в Добровольческой армии, – писал впоследствии он сам. – Исключение для меня было сделано, надо думать, ввиду отсутствия кавалерийских начальников».

Белая конница в это время только создавалась. Укомплектованные в большинстве своем Кубанскими и Терскими казаками и кавказскими горцами, недавно сформированные полки еще не сложились в сплоченные, организованные боевые единицы, подобные Добровольческой пехоте – прославленным Корниловцам или Марковцам. Чаще всего конные части только выполняли разведку и совершали неглубокие рейды по тылам противника, а во время боев прикрывали фланги атакующей пехоты. Боеспособные кавалерийские соединения, умеющие активно, самостоятельно действовать как на фронте, так и в тылу противника, наносить ему мощные, стремительные удары, – вот что было необходимо в условиях войны на обширных степных просторах Юга России. И зарождающаяся конница нуждалась в опытном, умелом, а главное – авторитетном руководстве. Требовались командиры, способные принимать

быстрые решения, оперативно реагировать на меняющуюся боевую обстановку, гибко, нешаблонно мыслить. Руководители Добровольческой Армии полагали, что всеми этими качествами обладал генерал П. Н. Врангель. И в этом они не ошиблись.

Однако первые месяцы службы в Белой Армии стали для Петра Николаевича непростым временем. Приняв командование дивизией 31 августа 1918 года, уже 18 сентября под Армавиром он повел ее в бой, но ожидавшейся лихой атаки не получилось. Казачьи полки не пошли за новым командиром, начав отступать под сильным огнем противника. Не помог и личный пример Врангеля, попытавшегося с несколькими десятками казаков остановить бегущих и заставить их перейти в атаку. Столь же неудачными для дивизии оказались и бои 3–4 октября, снова закончившиеся отступлением казаков, гибелью артиллерийской батареи, причем сам генерал едва избежал плена. Боеспособность дивизии удалось вернуть лишь с большим трудом. Однако личное участие в сражениях, наведение порядка в частях все же подняли авторитет П. Н. Врангеля, укрепили связь командира со своими подчиненными.

Следует отметить, что казачьи части в годы Гражданской войны весьма разборчиво относились к своим начальникам. Очевидно, генерал Врангель, считавший необходимым восстановить уставную дисциплину в казачьих полках, поначалу вызвал своими действиями отчуждение у части подчиненных. Надо сказать, что и сам он относился к казакам с определенным предубеждением. И хотя позднее отчужденность сменилась признанием со стороны большинства чинов дивизии, а затем и 1-го конного корпуса, командиром которого П. Н. Врангель стал с середины ноября 1918 года, — отношения с казаками так и не приобрели характера «братской» доверительности.

Но важнее было другое. За время командования Врангеля белая конница вновь научилась обрушивать на противника сильные фланговые удары, совершать перегруппировки, стремительно атаковать под огнем вражеские позиции, действовать самостоятельно, даже без поддержки пехоты и артиллерии. Приобретенный Врангелем авторитет подтвердился и во время октябрьских боев под Армавиром, и в 28-дневном сражении за Ставрополь, и во время зимних рейдов в холодных ставропольских и ногайских степях. Впереди же были еще более сложные и масштабные кавалерийские операции.

* * *

К концу 1918 года весь Северный Кавказ был освобожден Добровольческой Армией. Советская XI-я армия была разбита, и остатки ее, погибая от голода и жестокой эпидемии тифа, отходили к Астрахани. Белые в этих боях также понесли тяжелые потери, но за ними была победа, была надежда на будущие военные успехи. После заключения договора со Всевеликим Войском Донским генерал Деникин объединил все военное руководство в регионе, став Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России.

Успехи сопутствовали и Врангелю. 22 ноября 1918 года за бои под Ставрополем он был произведен в генерал-лейтенанты, за три дня до нового, 1919 года получил назначение на пост командующего Добровольческой Армией, а 10 января — вновь образованной Кавказской Добровольческой Армией, куда вошла его кубанская казачья конница и пластунские батальоны. Уже давно бывшего блестящего Конногвардейца отличает кавказская черкеска с орденом Святого Георгия на газырях, низкая смушковая папаха и бурка, и именно таким останется он на многочисленных фотографиях периода Гражданской войны и



первых лет эмиграции и войдет в массовое сознание по обе стороны фронта. Имя молодого командарма приобретает известность среди казачества, ряд станиц Кубанского, Терского, а потом и Астраханского Войска зачисляют его в «почетные казаки». 13 февраля 1919 года Кубанская Рада награждает Петра Николаевича орденом Спасения Кубани I-й степени.

Но в январе 1919 года генерал внезапно заболевает сыпным тифом в очень тяжелой форме. На пятнадцатый день болезни врачи сочли положение безнадежным. А. И. Деникин писал впоследствии, что страдающий Врангель считал болезнь Божьим наказанием «за свое честолюбие». Однако, по утверждениям биографов барона, сразу после прибытия чудотворной иконы Божией Матери в состоянии больного неожиданно наступило улучшение. Выздоровлением Врангель обязан, безусловно, и заботливому уходу жены, разделившей его военную судьбу (она заведывала госпиталем в Екатеринодаре). Отступивший недуг, тем не менее, серьезно подорвал здоровье генерала, уже перенесшего к тому времени два ранения и контузию.

Оправившийся Врангель вновь возвращается к своим обязанностям, и к весне 1919 года относятся его первые разногласия со Ставкой Главнокомандующего. В рапорте на имя Деникина от 4 апреля командарм Кавказской доказывает необходимость направить главный удар Вооруженных Сил Юга России на Царицын, после взятия которого можно было надеяться на соединение с армиями Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака, рвавшихся к Волге. Такая операция позволила бы, по мнению П. Н. Врангеля, создать общий фронт, после чего объединенные Белые Армии могли бы с удвоенной силой ударить на «красную Москву». Разумеется, основной удар на Царицын по этому плану должна была наносить Кавказская Армия, а сам рапорт, как посчитал Деникин, свидетельствовал о «честолюбивых планах» барона, якобы стремившегося «выделиться» во время предстоящей операции. Врангель, в свою очередь, обвинял Главнокомандующего в намерении «не делить лавры победы с А. В. Колчаком»...

Надо сказать, что впоследствии многие эмигрантские историки поддерживали именно Врангеля. Характеризуя барона как «военного гения» и противопоставляя его Деникину, они не учитывали конкретных фронтовых условий весны 1919 года. Ведь когда Вооруженные Силы Юга России реально смогли начать наступление на Царицын, Красная Армия уже подходила к Уфе, а войска Верховного Правителя отступали. Но даже и в случае соединения Деникина и Колчака фронт Уфа – Златоуст – Царицын – Ростов опирался бы на безводные и безлюдные приволжские степи, где не было ни разветвленной коммуникационной сети, ни крупных городов, ни продовольственной базы, ни необходимых для снабжения армии запасов. Рано или поздно такой

фронт был бы разорван ударами большевиков, а войска Сибири и Юга вновь оказались бы разьединенными. Таким образом, считать идею объединения армий Колчака и Деникина на Волге «гениальной» вряд ли справедливо.

Как бы то ни было, план П. Н. Врангеля был отвергнут, а его разногласиям со Ставкой Главнокомандующего, перешедшим затем в открытый конфликт, суждено было стать одной из самых неприглядных страниц в истории Белого движения на Юге России. К этому же периоду относится первая встреча Петра Николаевича с А. В. Кривошеиным, будущим премьер-министром его правительства, а пока – одним из лидеров правоцентристского «Совета Государственного Объединения России». Бывший сотрудник П. А. Столыпина по проведению его знаменитой земельной реформы, Кривошеин рассчитывал на участие в работе Особого Совецания при Деникине. Однако лидерство в южнорусских правительственных кругах весной 1919 года принадлежало более либеральным политикам (членам кадетского «Национального Центра»), и рассчитывать на власть деятелям Совета Объединения – П. Б. Струве, Н. В. Савичу, С. Д. Тверскому и др. – не приходилось. Тем выгоднее было для них заполучить в союзники популярных военачальников, и именно такой фигурой стал П. Н. Врангель. Во время бесед с ним Кривошеин (человек сугубо штатский) убеждал генерала в правильности идеи соединения с Колчаком. «Умный и проницательный А. В. Кривошеин, – вспоминал Петр Николаевич, – часто посещавший меня, ясно отдавал себе отчет в ошибочности стратегии главного командования. Человек политики, он готов был искать в принятом генералом Деникиным решении причины внутреннего, личного характера». К сожалению, и сам барон видел главную причину разногласий исключительно в личной антипатии Главнокомандующего.

Отчужденность по отношению к П. Н. Врангелю проявлялась, в свою очередь, и Деникиным, и весной 1919 года на должность командующего Добровольческой Армией был назначен не Врангель, а генерал В. З. Май-Маевский. Он также не являлся «первопоходником», но был абсолютно чужд политики, интриги и считался полностью лояльным к Ставке и самому Главнокомандующему.

* * *

Хотя план удара на Волгу был отвергнут Ставкой, овладение Царицыном продолжало оставаться насущной задачей – без этого было невозможно наступать в Малороссию или на Москву. Еще в 1918 году казачья армия Донского Атамана П. Н. Краснова трижды безуспешно штурмовала «Красный Верден». Город был хорошо укреплен, по круговой ветке постоянно курсировали бронепоезда, окраины были защищены колючей проволокой, рвами и окопами.

Ставка планировала прорвать позиции красных с налету, сосредоточенным ударом конных полков, сведенных в группу под командованием П. Н. Врангеля. И на рассвете 5 мая 1919 года Царицынская операция, сделавшая имя Петра Николаевича одним из самых авторитетных и известных на Юге России, началась форсированием Маныча и неожиданной атакой растянувшихся вдоль реки красных войск. С развернутыми знаменами, сопровождаемые звуками военных сигналов, сомкнутым строем шли в бой Кубанские и Терские казаки. Фронт большевиков был прорван, и конная группа устремила к Царицыну.

Врангель рассчитывал, не останавливаясь и не давая возможности отступавшим советским частям закрепиться, на их плечах ворваться в город. Конница была без передышки брошена на штурм укрепленных пригородов, каза-

ки шашками рубили проволочные заграждения, пытаясь прорвать оборону, но, потеряв в двухдневных боях больше половины личного состава, вынуждены были остановиться. Пришлось просить подкрепления. И лишь 18 июня, при активной артиллерийской поддержке, совместной атакой конницы, прибывшей пехоты и танков (нового в Гражданской войне оружия) оборонительные рубежи были прорваны, и «Красный Верден» пал.

«Герой Царицына», как начали теперь называть П. Н. Врангеля белые газеты, стал известен и популярен на всем Белом Юге. Услужливые чиновники Отдела пропаганды повсюду развешивали его фотографии, аляповатые картинки в лубочном стиле, на которых генерал изображался в позе «Медного Всадника», с рукой, указывающей на виднеющуюся вдалеке Москву, что многими воспринималось как явный намек на появление нового вождя – «Петра IV». В середине июля командарму был преподнесен специально сочиненный одним из офицеров марш «Генерал Врангель». И надо сказать, что подобная пропаганда – неумная или, наоборот, нарочитая – воспринималась самим Петром Николаевичем не критически. На молодого генерала обратили внимание и представители союзников: за взятие Царицына он был награжден английским орденом Святых Михаила и Георгия.

Через два дня после взятия Царицына прибывшим в город генералом Деникиным была подписана знаменитая «Московская Директива», провозгласившая начало похода с непосредственной целью «освобождения первопрестольной столицы от большевиков». И здесь позиция Врангеля вновь разошлась с позицией Ставки Главнокомандующего. По мнению Петра Николаевича, директива «являлась смертным приговором армиям Юга России. Все принципы стратегии предавались забвению. Выбор одного главного операционного направления, сосредоточение на этом направлении главной массы сил, маневр, – все это отсутствовало. Каждому корпусу просто указывался маршрут на Москву». Еще более категоричным был один из апологетов Врангеля, генерал фон Дрейер, назвавший директиву «безграмотной в военном отношении», примером «необыкновенной самоуверенности» Деникина. Но и остановиться на занятых рубежах Донбасса, Донской Области и Нижней Волги для белых было уже невозможно. В борьбе за возрождение «Великой, Единой, Неделимой России» им требовалось овладеть Москвой – главным центром Советской власти. В ходе наступления на Москву Вооруженными Силами Юга России были освобождены обширные территории, ставшие главной продовольственной и сырьевой базой Белого движения на всю летне-осеннюю кампанию 1919 года, здесь же ряды деникинской армии увеличились до 100 тысяч человек.

Примечательно, что и сам П. Н. Врангель не был непримиримым противником наступления на Москву, предлагая Ставке нанести главный удар силами конной группы под его, Врангеля, командованием. После того как это предложение было отвергнуто, генерал повел предписанное директивой наступление на Камышин (с перспективой дальнейшего продвижения на Саратов – Пензу), но, по оценке современника, делал это «без былого энтузиазма и желания (что вообще звучит странно: военачальник не может ставить выполнение приказа в зависимость от собственного настроения. – В. Ц.). Врангель не был натурой ординарной, а потому к нему и нельзя подходить с обычными, шаблонными мерками. Он мог или ярко гореть выполняемым им делом и тогда давать изумительные взлеты своей энергии и своей творческой фантазии, или только добросовестно исполнять директиву, что конечно не воодушевляло П[етра] Н[иколаевича] и не давало его деятельности должного военного вдохновения».



П.Н. Врангель в Царицыне, 1919 год

В то время как Добровольческая Армия, заняв Новороссию, подходила к Киеву, Курску, Воронежу, – Кавказская Армия смогла продвинуться лишь до Камышина, откуда до Саратова оставалось еще 60 верст. В Ставку Врангель постоянно сообщал о невозможности дальнейшего наступления ввиду огромных людских потерь, нехватки вооружения, боеприпасов и отсутствия пополнений с Кубани и Терека. В обширном рапорте, направленном Главнокомандующему 29 июля, командарм Кавказской заявлял: «Заботы Ваши и Ваших ближайших помощников отданы полностью родным Вам частям (то есть Добровольческой Армии, с «коренными» полками которой Деникин начинал Белую борьбу. – В. Ц.). Для других ничего не осталось... в то время, как там, у Харькова, Елисаветграда и Полтавы войска одеты, обуты и сыты (это не соответствовало действительности. – В. Ц.), в безводных калмыцких степях их братья сражаются для счастья одной Родины – ободраные, босые, простоволосые и голодные». В ответном письме от 10 августа Деникин возражал, что части Добровольческой Армии, с кровопролитными боями наступая на Москву, несут не меньшие потери и не менее других нуждаются в пополнении и снабжении. По его более позднему признанию, «не проходило дня, чтобы от генерала Врангеля Ставка или я не получали телеграмм нервных, требовательных, резких, временами оскорбительных... в каждом слове письма или телеграммы были желчь и яд, рассчитанные на чувства военной массы, и без того плохо разбирающейся в обстановке, нервной, ревнивой к боевым соседям». Но во время успешного продвижения Вооруженных Сил Юга России к Москве подобные разногласия и даже конфликты не были столь значимыми для единства Белого движения, какими они станут, когда по всей линии фронта начнется отступление. А время это было уже близко.

Почти тысячеверстный фронт Вооруженных Сил Юга России, протянувшийся осенью 1919 года от Житомира до Асхабада, выгнутый в направлении на Орел, Тулу и Москву, фронт, державшийся исключительно доблестью уже ослабленных в боях полков, в октябре оказался надломленным. В белом тылу развернул партизанские действия Н. И. Махно; в городах процветали спекуляция и воровство; на фронт и тыл обрушилась страшная эпидемия тифа. Войска начали отступать, и к концу ноября ими были уже оставлены Орел, Курск, Белгород, Воронеж. Еще держался Киев, но фронт уже подходил к Полтаве и Харькову.

Впрочем, Ставка Деникина отнюдь не считала положение критическим. Во всех официальных приказах заявлялось только о временном отступлении, необходимом для «выравнивания фронта и сосредоточения резервов», вслед за чем предстоит новое наступление. Был разработан план контрудара, руководство которым поручалось П. Н. Врангелю. И 26 ноября, оставив пост командарма Кавказской, Петр Николаевич сменил генерала Май-Маевского во главе Добровольческой Армии.

Этому назначению предшествовали события на Кубани, непосредственным участником которых также оказался генерал Врангель. Еще с начала 1919 года местный «парламент» – Законодательная Рада – стремился к утверждению Кубанского Казачьего Войска как независимого, самостоятельного государства. «Самостийная» политика Кубани выражалась в установлении таможенных границ, запрете на вывоз продовольствия за пределы Области, пропаганде «кубанской демократии». Часто с трибуны Рады звучали призывы к созданию отдельной Кубанской Армии, подчиненной только доморощенным генералам и офицерам. Кавказская же Армия, хотя и состояла в значительной части из кубанских казачьих полков, была подчинена руководству Вооруженных Сил Юга России, ответственные посты в ней занимали офицеры неказачьего происхождения. Под влиянием «радянской» агитации и под предлогом «переформирования» с фронта начали уходить сотни казаков, а истощенные войной станицы отказывались направлять в Кавказскую Армию новобранцев. Все это не могло не беспокоить Врангеля, отмечавшего в своих рапортах опасность разложения кубанских частей «преступной пропагандой». Наконец, выступая от имени «независимой Кубани», делегация членов Рады в Париже заключила предательский договор с правительством несуществующей «Горской Республики», и это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. «Усмирение» непокорной Рады было поручено П. Н. Врангелю. 6 ноября он отдал приказ по Армии об аресте и предании военно-полевному суду двенадцати наиболее скомпрометировавших себя депутатов, а уже на следующий день член «парижской делегации» А. И. Калабухов был публично повешен в Екатеринодаре. «Кубанское действие», проведенное при непосредственном участии Врангеля, безусловно, не добавило ему симпатий со стороны казаков, а на все деникинское правительство навлекло обвинения оппозиции в «подавлении интересов казачества».

Тогда же, в ноябре 1919 года, Петр Николаевич продолжал встречаться с членами Совета Государственного Объединения России. А. В. Кривошеин, с которым он общался в те дни, «никак не сочувствовал политике Главнокомандующего, ставил генералу Деникину в вину отсутствие определенной, реальной программы и неудачный выбор сотрудников». «Люди государственного опыта и знания, – подчеркивал Кривошеин, явно имея в виду себя и сво-

*Командующий Кавказской
добровольческой армией генерал-
лейтенант барон П.Н. Врангель, 1919 год*



их единомышленников, – к работе не привлекались, Ставка боялась обвинения в контр-революционности, подчеркивая [свой] либеральный демократизм». Врангель вполне сходилась со своим собеседником в оценке Деникина, которого считал утрачивающим чувство реальности: «ревнивый к своей власти... генерал Деникин боялся сильных, самостоятельных людей». Таким образом, к моменту назначения Врангеля на должность командующего Добровольческой Армией раскол между ним и Деникиным все более и более углублялся.

Ставка объясняла это назначение необходимостью перемены тактики на фронте. Создаваемая конная группа под командованием Врангеля должна была остановить наступление Красной Армии, разгромить конный корпус С. М. Буденного. С другой стороны, в подобном назначении были заинтересованы и симпатизирующие Петру Николаевичу деятели некоторых политических и общественных кругов, поскольку пост командарма Добровольческой мог стать последней ступенькой к посту Главнокомандующего. По воспоминаниям возглавлявшего Отдел пропаганды профессора К. Н. Соколова, в назначении Врангеля была заинтересована и часть офицеров самой Ставки: «Штабная молодежь видела в этом назначении большую свою победу над "высшими сферами". Они добивались его целый месяц». Этим кругам импонировал «аристократизм» нового командарма, «штабисты» рассчитывали потеснить «армейцев-первопоходников», связанных с Май-Маевским.

Однако смена командования сама по себе не могла сразу улучшить положение на фронте. Чтобы сориентироваться на незнакомом театре военных действий, Врангелю нужно было время; кроме того, в условиях слабости воинских частей, отсутствия нормального снабжения и связи, а также укрепленных оборонительных рубежей в тылу, проведение задуманной операции оказалось невозможным. Лихой контрудар конной группы, подобный весеннему, «царицынскому», сорвался. Не удалось и удержать силами Добровольческой Армии Донбасс. Не получилось произвести перегруппировку, а одна из самых прославленных дивизий – Марковская – оказалась окруженной и понесла значительные потери. В конце декабря 1919 года части Добровольческой Армии были расчленены, «белые столицы» – Новочеркасск и Ростов-на-Дону – спешно эвакуировались, а уменьшившиеся более чем в десять раз полки Добровольцев отошли за Дон. Остатки Армии были сведены в корпус под командованием генерал А. П. Кутепова, а Врангель «ввиду расформирования Армии зачислен в распоряжение Главнокомандующего».

Зимой 1919/1920 года конфликт П. Н. Врангеля со Ставкой и самим Деникиным перешел в открытое противостояние. После впечатляющих успехов лета – осени резкая перемена боевого счастья и последующее оставление за какие-то два месяца столь обширной территории воспринимались очень болезненно. На вопрос «кто виноват?», казалось бы, ясно отвечала переписка Врангеля с Главнокомандующим, уже получившая известность на фронте и в тылу. Что же вызывало наибольшее недовольство Петра Николаевича?

Уже 27 ноября в своем приказе – первом по вступлении в командование Добровольческой Армией – генерал, отмечая ее доблесть, заявлял также: «Ограждая честь и достоинство армии, я беспощадно подавлю темные силы: погромы, грабежи, насилия, произвол и пьянство безжалостно будут караться мною». В этих пороках фактически обвинялись те самые полки, руководить которыми предстояло новому командарму. Еще более резко высказывался он в рапорте Деникину, датированном 9 декабря: «...Беспрерывно двигаясь вперед, армия растягивалась, части расстраивались, тылы непомерно разрастались... Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами – в грабеж и спекуляцию... Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов... Население, встречавшее армию при ее продвижении с искренним восторгом, пострадавшее от большевиков и жаждавшее покоя, вскоре стало испытывать на себе ужасы грабежа, насилий и произвола. В итоге – развал фронта и восстания в тылу... Армии, как боевой силы, нет».

Петр Николаевич начинает и поиск путей к смене командования Вооруженных Сил Юга России. Еще в начале декабря 1919 года по инициативе Врангеля предполагалось провести совещание командующих Армиями, в котором Деникин заподозрил подготовку к «свержению власти главнокомандующего», но тогда оно не состоялось. После того, как Петр Николаевич оставил пост командарма, он был направлен на Кавказ для проведения мобилизации казаков и попытался установить там союз с оппозиционными силами, опираясь на казачьих генералов А. Г. Шкуро и В. Г. Науменко. Однако и эти расчеты не оправдались.

Врангелю хотели дать назначение в Штаб Главноначальствующего Новороссийской области генерала Н. Н. Шиллинга, и в январе 1920 года Петр Николаевич выехал для этого в Крым. Его приезд совпал с мятежом капитана Н. И. Орлова, требовавшего смены руководства Армией и наведения порядка в тылу. В Ставке подозревали, что «Орловщина» была инспирирована самим Врангелем, рассчитывавшим оказать давление на Ставку и вернуть потерянное положение, а возможно, и занять пост Главнокомандующего. О поддержке Врангеля заявили офицеры Черноморского Флота, предложившие генералу Шиллингу уступить свой пост (даже без согласия Деникина) Петру Николаевичу. Один из ближайших сотрудников Главнокомандующего, генерал А. С. Лукомский, телеграфировал в Ставку, что Шиллинг дискредитировал себя военными неудачами: «Выход один – это немедленное назначение Врангеля на место Шиллинга». Получил Деникин и обращение «общественных деятелей Крыма» с требованием поставить «во главе власти в Крыму... лицо, заслужившее личными качествами своими и боевыми заслугами доверие как армии, так и населения... Таковым лицом, по единодушному убеждению крымских гражданских и военных кругов, является генерал Врангель, ныне находящийся в Крыму». Правда, документ был подписан «деятелями», не

имевшими к крымской «общественности» никакого отношения (А. И. Гучков, князь Гагарин, член Совета Государственного Объединения России Н. В. Савич, сенатор Г. В. Глинка просто проживали на полуострове); руководившие же обороной Крыма генералы Шиллинг и Слащов никакого «убеждения» в необходимости назначения Врангеля не выражали.

Несколько раньше в том же январе, накануне падения Белой Одессы, известный политик и публицист В. В. Шульгин, генерал А. М. Драгомиров и видный деятель конституционно-демократической партии В. А. Степанов провели частное совещание, на котором признали возможным произвести смену командования, поддержав кандидатуру П. Н. Врангеля. Таким образом, давление на Ставку шло сразу по многим направлениям, и у генерала Деникина должно было создаться впечатление, что фронт и тыл выступают за Врангеля, которого и следовало бы вернуть к активной деятельности на высших военных постах. Примечательно, что во всем этом «походе на власть», как назвал его Деникин, главную роль играл уже не сам барон, а те политические группы и круги (в первую очередь – Совет Государственного Объединения), которые его поддерживали, имея чисто практический расчет – сменив Главнокомандующего, придти за ним к власти самим. При этом предполагалось произвести смену не только руководства, но и всего политического курса южнорусского Белого движения. Надежды питали все: «правым» импонировали «гвардейское прошлое» и «монархизм» барона, «левые» уповали на то, что, придя к власти, он будет проводить «демократические» преобразования.

Как же относился ко всей этой борьбе за власть сам Петр Николаевич? Будучи человеком честолюбивым, уверенным в своей правоте, он был искренне убежден в том, что армия и тыл полностью поддерживают его и желают смены руководства, только исходя из соображений более эффективной борьбы с большевиками. Генерал Б. А. Штейфон проницательно писал об этом: «По складу ума, характера и по своим мировоззрениям А. И. Деникин и П. Н. Врангель были людьми совершенно различными. И судьбе было угодно, чтобы столь разные натуры усвоили, каждый вполне самостоятельно, одно и то же убеждение. Генерал Деникин и генерал Врангель заподозрили друг друга в том, что их расхожденья... объясняются не идейными соображениями, а исключительно личными мотивами. Это трагическое, но вполне добросовестное заблуждение повлекло за собою много печальных и тяжелых последствий...» А заключительным актом этого конфликта стало состоявшееся 8 февраля 1920 года увольнение генерала П. Н. Врангеля в отставку.

В последних числах февраля семья Врангелей покидает Крым, отправившись в Константинополь с намерением далее проехать в Сербию. Вместе с ними Белый Юг покинули А. В. Кривошеин, П. Б. Струве, давний соратник Врангеля генерал П. Н. Шатилов. Вооруженная борьба в Крыму и на Северном Кавказе казалась безнадежно проигранной, а положение А. И. Деникина – обреченным. Но неожиданно из Севастополя пришли известия о готовящемся военном совете, на котором предполагалось решить вопрос о назначении нового Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Уставший от тяжелой двухлетней борьбы, надломленный неудачным завершением «похода на Москву» и потерявший веру в возможность дальнейшего успешного руководства борьбой, генерал Деникин заявил своим приближенным о сложении с себя полномочий Главнокомандующего. Военный совет, созываемый под председательством генерала А. М. Драгомирова, должен был назвать новую кандидатуру на этот пост.

У Исход совета, состоявшегося 21–22 марта 1920 года, был по сути предре-
шен. По свидетельству одного из его участников, генерала П. С. Махрова,
председательствовавший Драгомиров, игнорируя неоднократно высказанное
мнение офицеров о необходимости Деникину остаться в должности Главкома,
повторял, что решение Антона Ивановича об отставке окончательно. Неожиданно
выступивший капитан 1-го ранга Рябинин назвал фамилию Врангеля,
сразу же поддержанную присутствовавшими моряками. После этого «Драго-
миров поторопился закрыть заседание без баллотировки имени Врангеля и
поручил... доложить ген[ералу] Деникину о результате решения Военного Со-
вета». П. Н. Врангель на английском дредноуте «Император Индии» прибыл
в Севастополь, и 22 марта генералом Деникиным был издан прощальный при-
каз, передававший ему полномочия Главнокомандующего.

Итак, «деникинский период» истории Белого движения завершился. Ново-
му вождю предстояло разрешить огромное количество проблем, доставшихся
ему по наследству, а главное – вернуть Армии веру в победу. И эти последние
страницы Гражданской войны на Юге России стали в жизни Петра Николаеви-
ча поистине «звездным часом» и временем наивысшего напряжения сил и энер-
гии в борьбе за удержание «последней пяди Русской Земли» – Белого Крыма.

* * *

Экономическое положение полуострова весной 1920 года было крайне тя-
желым. На нем проживало более семи миллионов человек, из которых около
150 тысяч состояли на армейском довольствии, реальных же бойцов насчиты-
валось всего 20–25 тысяч. Продовольственные запасы были скудны. При го-
довой потребности в 9 миллионов пудов зерновых и 12 миллионов пудов зер-
нофуражных культур на продовольственных складах находилось всего 130 ты-
сяч пудов муки и 90 тысяч пудов зернофуража. В то же время в крестьянских
хозяйствах излишки продовольствия, оставшиеся от урожайного 1919 года,
составляли около 6 миллионов пудов продовольственных хлебов и около 8 мил-
лионов пудов зернофуража, но крымские крестьяне отказывались отдавать
хлеб, не получая взамен промышленных товаров и мануфактуры. Цены на
продовольствие росли (на хлеб – вдвое по сравнению с прошедшей осенью).
В переполненных крымских городах в жутких условиях проживало до полу-
миллиона беженцев, больных и раненых.

Тяжело было и на фронте. После того, как зимой крымские перешейки бы-
ли удержаны корпусом генерала Я. А. Слащова, наступило относительное за-
тишье. Однако за исключением фронтовых частей боеспособных войск в Кры-
му не было, а эвакуированные из Новороссийска можно было считать в значи-
тельной степени деморализованными. Корабли Черноморского Флота не име-
ли запасов топлива даже для того, чтобы выйти в море, не говоря уже о воз-
можности эвакуации Армии и беженцев за границу. П. Н. Врангель считал,
что в случае прорыва большевиков в Крым спасти не удалось бы никого.

Положение усугублялось еще и тем, что представители союзной Велико-
британии накануне отплытия Врангеля из Константинополя в Крым вручили
ему ультиматум, заявлявший об отказе от дальнейшей поддержки белых и
необходимости переговоров с Советской Республикой. Однако Петру Николае-
вичу удалось, формально признав выдвинутые ему условия, заручиться под-
держкой еще на два месяца, после чего предстояло или сдаться на милость
врага, или попытаться продолжить вооруженную борьбу, рассчитывая уже
только на собственные силы.

ВРАНГЕЛЬ ИДЕТ !!



К ОРУЖИЮ, ПРОЛЕТАРИИ !!

Большевицкий плакат «Врангель идет»

Но очень многие в Крыму были угнетены сознанием бесплодности борьбы. Если закончился поражением «поход на Москву», можно ли надеяться на возможность успешной обороны крохотного полуострова? От Главнокомандующего требовалось ясное, определенное слово о том, что ждет Белый Крым дальше, и оно было произнесено уже 25 марта во время торжественного парада и молебна на Нахимовской площади в Севастополе. Епископ Севастопольский Вениамин (Федченков) обратился к войскам с ободрением: «Месяц тому назад русская армия, прижатая к морю у Новороссийска, умирала. Быть может, через два месяца она воскреснет и одолеет врага...» Об этом же говорил и Врангель: «...Я верю, что Господь не допустит гибели правого дела, что Он даст мне ум и силы вывести армию из тяжелого положения. Зная безмерную доблесть войск, я непоколебимо верю, что они помогут мне выполнить мой долг перед родиной, и верю, что мы дождемся светлого дня Воскресения России».

Итак, новый Главнокомандующий подтвердил, что только продолжение вооруженной борьбы с Советской властью остается для него единственно возможным путем. Но теперь требовалось восстановление и укрепление разрушенного фронта и тыла, и здесь Петру Николаевичу приходилось ориентироваться в незнакомой ему политической жизни. При этом он проявил себя гибким политиком, человеком, обладающим редким даром находить людей, способных руководить различными областями хозяйства и общественной жизни. Современники неоднократно отмечали его прагматизм в подборе сотрудни-

ков. Так, по свидетельству председателя Таврической губернской земской управы князя В. А. Оболенского, Врангель «подходил к власти без каких-либо предвзятых мыслей... с верой в свою интуицию и в умение делать политические выводы из опыта жизни. Он ставил себе определенную цель, а средства готов был выбирать любые».

Аппарат управления пришлось создавать заново. Реорганизации подверглись и высшие органы власти – распущенное еще А. И. Деникиным Южно-Русское Правительство было заменено «Советом при Главнокомандующем», должность Председателя в котором занял хорошо известный Главкому А. В. Кривошеин. Несмотря на неоднократные заявления о «беспартийном» характере врангелевского кабинета, он не представлял собой коалиции нескольких политических групп и партий (какой было Особое Совецание при Деникине): основные посты теперь достались представителям Совета Государственного Объединения России, лично знавшим Врангеля ранее и поддерживавшим его во время конфликта со Ставкой в 1919 году. В то же время принцип единоличной диктатуры, утвердившийся на Белом Юге еще во время первых походов, неукоснительно соблюдался и во врангелевском Крыму. Ни один сколько-нибудь существенный закон или приказ не мог быть введен в действие без санкции самого Главнокомандующего, Совет при котором превращался, таким образом, действительно лишь в совещательный орган. «Мы в осажденной крепости, – говорил сам Врангель, – и лишь единая твердая власть может спасти положение. Надо побить врага прежде всего, сейчас не место партийной борьбе... все партии должны объединиться в одну, делая внепартийную деловую работу. Значительно упрощенный аппарат управления мною строится не из людей какой-либо партии, а из людей дела. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда».

Новому Главнокомандующему предстояло учесть все ошибки своего предшественника. В заявлении для крымской печати от 10 апреля П. Н. Врангель выделил главные причины неудач Белого движения в 1919 году: «...Стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась. Вместо того, чтобы объединить все силы, поставившие целью борьбу с большевизмом... проводилась... частная политика, руководители которой видели во всем том, что не носило на себе печать “добровольцев”, – врагов России... провозгласив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевистские русские силы и разделили всю Россию на целый ряд враждующих между собой образований». Здесь же генерал определил основную задачу деятельности своего Правительства: «...Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игмом народа». Тем самым почти что провозглашался отказ от главной цели южнорусского Белого движения – немедленного занятия Москвы – и пропагандировалась попытка создать из Крыма своего рода плацдарм, территорию, на которой возможно было бы реализовать новую политическую программу. И хотя достигнуть успеха в конце концов не удалось, опыт государственного строительства в 1920 году стал весьма показательным с точки зрения эволюции Белого движения на Юге России.

В области национальной политики и взаимоотношений с казачеством врангелевское Правительство постулировало отказ от принципа «единой, неделимой России» в его деникинском понимании. В 1920 году были уже забы-

ты призывы к борьбе с «самостийностью», а сам П. Н. Врангель всячески подчеркивал свою лояльность к казачьим федеративным образованиям. 22 июля в Севастополе Правителем Юга России и представителями Дона, Кубани, Терека и Астрахани было торжественно заключено соглашение, в соответствии с которым казачьим войскам гарантировалась «полная независимость в их внутреннем устройстве и управлении». В то же время Главнокомандующий сохранял за собой право руководства «всеми вооруженными силами» казачьих областей, контролировал железнодорожное сообщение, средства связи, финансовую систему и таможенную политику в этих регионах. В ведении Правителя оставалась и внешняя политика, но, несмотря на все эти оговорки, формально принцип федеративной автономии был все же впервые провозглашен во врангелевской Белой Таврии.

В сентябре – октябре предпринимались попытки заключить союз, на основе признания горской федерации, и с представителями горцев Северного Кавказа, используя для этого контакты с внуком Шамиля. В отношении признания самостоятельности Украины новое Правительство Юга России также стремилось избежать ошибок своих предшественников из Особого Сопровождающего. Во время прибытия в Крым делегации «украинцев-федералистов» Врангель заявил, что он «готов содействовать развитию национальных демократических сил, базируясь на принципах, уже выраженных в соглашении, достигнутом между главным командованием и казачьими областями». 26 октября Правителем даже был издан приказ, объявляющий украинский язык «общегосударственным» наравне с русским, что совершенно исключалось в 1919 году. Подобные шаги, впрочем, были продиктованы в первую очередь расчетом на создание общего фронта с остатками петлюровских войск, опиравшихся на Подолию и пытавшихся, в свою очередь, войти в контакт с белыми для совместных действий. Таким образом, в национальной политике Врангеля лозунг «с кем хочешь – но за Россию», то есть «против большевиков», был главным.

Не менее показательными в этом отношении были и попытки «союза» Белого Главнокомандующего с Н. И. Махно. Один из самых удачливых украинских повстанцев становился теперь желательным союзником. В Ставке было составлено обращение к «батьке», провозглашавшее: «Главное командование русской армии извещает вас, что оно ведет борьбу только с коммунистами и комиссарами и идет заодно с русским народом. Девиз русской армии: народу – земля, народу – права; сам народ будет решать судьбу свою». Подчеркивая «демократизм» своей политики, Белое руководство предлагало формированиям Махно совместно действовать против большевиков. Однако из подобного «союза» ничего не получилось, а передавшие обращение офицеры были махновцами убиты. В то же время атаманы более мелких повстанческих отрядов (Хмара, Чалый, Савченко) поддерживали Врангеля, публикуя, в свою очередь, воззвания, призывавшие к союзу с белыми, и содействовали им во время боевых действий летом – осенью 1920 года, а «атаман» Володин с санкции Главкома даже формировал в Крыму «особый партизанский отряд», впоследствии, правда, попытавшись обратить его против белых (за это он был казнен).

* * *

Но главным во всей внутренней жизни Белого Крыма в 1920 году стала аграрная политика. Земельная реформа Правительства Юга России была рассчитана на создание новой социальной базы Белого движения, более широко-



Генерал П.Н. Шатилов

го привлечения на свою сторону не только офицерства и интеллигенции, но и зажиточного и среднего крестьянства, способного снабжать армию и тыл, производящего товарную продукцию для внутренней и внешней торговли, поддерживающего распоряжения Белой администрации. Эта «опора на крестьян» обеспечила бы, по мнению П. Н. Врангеля, «победу над большевизмом», «построение новой России на началах законности и уважения права собственности».

Белым правительствам Юга России приходилось считаться с изменившимися условиями сельской жизни, когда большинство частновладельческих хозяйств было разгромлено, а их земля распределена между крестьянами, и южнорусская деревня пристально следила, как та или иная власть отнесется к совершившемуся «черному переделу». Деникинское Особое Совецание, провозгласив сохранение права собственности на землю, так и не определило, кто же будет распоряжаться «захваченной» землей – бывшие помещики или крестьяне-«захватчики». Считалось необходимым проведение принудительного отчуждения части помещичьих земель за плату, однако предполагалось провести его только после занятия Москвы и окончания Гражданской войны. Подобная позиция «непредрешения» считалась одной из главных причин неприязни большинства крестьянства к Белой власти, а злоупотребления местных представителей гражданской или военной администрации порой способствовали росту повстанчества. Перед правительством Врангеля ставилась задача доказать крестьянам, что оно стремится содействовать удовлетворению интересов села.

П. Н. Врангель придавал большое значение своевременному принятию законодательных актов по земельной реформе. Видя, что оно затягивается (в Ялте в течение апреля – мая заседали две комиссии под председательством Управляющего земледелием и землеустройством сенатора Г. В. Глинки, но единый законопроект так и не был выработан), Главнокомандующий принял решение опубликовать соответствующие распоряжения своим приказом. Накануне готовящегося наступления, 25 мая 1920 года, были обнародованы «Приказ о земле», «Правила о передаче распоряжением Правительства казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев» и «Временное Положение о земельных учреждениях». В соответствии с ними все земельные угодья оставались «в распоряжении обрабатывающих их хозяев» независимо от того, на каком праве эта обработка основывалась (тем самым фактически признавался законным «захват» частновладельческих земель после 1917 года). «Захваченные земли» закреплялись в собственность крестьян после уплаты (деньгами или натурой) государству «пятикратного среднего за последние 10 лет урожая зерновых» данного района. Бывшие владельцы полностью исключались из процедуры расчета с крестьянами-«захватчиками», более того, специальным распоряжением Врангеля помещикам было воспрещено возвращаться в свои имения и занимать любые административные должности в местностях, где эти имения находились, – передачу же выкупа государство брало на себя. Отчуждение, однако, не было всеобщим. Из списка отчуждаемых земель (на первом месте в нем были земли, длительное время сдаваемые в аренду) исключались хуторские, отрубные земли (то есть владения тех же крестьян-собственников), а также земли, имеющие «культурное, общественно-полезное значение»: тем самым государство защищало от ликвидации многие ценные хозяйства, как, например, извест-

ное имение баронов Фальц-Фейнов «Аскания Нова», переданное Таврическому университету; не подлежали разделу и бывшие имения Членов Императорской Фамилии.

За прежними помещиками Крыма и Северной Таврии могли оставаться земли только в размерах, не превышавших установленные уездными и волостными крестьянскими советами. Создание этих органов, избираемых самими крестьянами, было заметным шагом вперед по сравнению даже со знаменитой реформой П. А. Столыпина (осуществление которой в свое время поручалось землеустроительным комиссиям), поскольку теперь сами крестьяне-собственники могли решать вопросы сельской жизни. Задачи аграрно-крестьянской реформы признавались приоритетными во всей внутренней политике Правительства Юга России. На пропаганду ее среди крестьянства были выделены большие средства.

25 мая началось наступление, и сразу же по мере освобождения уездов Северной Таврии вступали в силу и перечисленные приказы Главнокомандующего. «Армия должна нести землю на штыках», – говорил Врангель. Уже в июле – августе прошли первые выборы волостных земельных советов в Северной Таврии. В августе был произведен первый раздел между крестьянами помещичьего имения («Атманай», владение Шатилова-Фелибера в Мелитопольском уезде). К концу пребывания белых войск в Таврии выборы советов прошли уже в 90 волостях из 140, были проведены разделы почти двадцати имений, определены размеры земельных участков, закрепляемых в собственность за крестьянами и оставляемых помещикам. В Симферополе стала издаваться газета «Крестьянский Путь», активно пропагандирующая земельную реформу. Там же начал работу «Крестьянский Союз России», по формулировке своего устава призванный развивать «на основах крестьянской земельной и хозяйственной собственности благосостояние крестьянства как источника материально-культурного благополучия крестьян и экономического возрождения России», «объединять крестьянство России в политически организованную силу, спаянную общими интересами, влияющую на проведение в жизнь крестьянских интересов в общественной, социальной и государственной жизни». Однако земельная реформа с первых же месяцев своей реализации столкнулась и со значительными трудностями.

Крестьянство Таврии, пострадавшее от войн и разрухи, не было в тот момент заинтересовано в получении дополнительных участков земли, даже и закрепляемых в собственность. В условиях нестабильности фронта не могло быть и уверенности в прочности Белой власти, надежности проводимых ею земельных преобразований. Слишком большим (20% от урожая 1920 года) казался и вводимый выкуп за землю, несмотря на его рассрочку на 25 лет. В Таврии продолжалось сокращение посевных площадей – до 30% по сравнению с 1916 годом. Большой урожай зерна, снятый в 1919 году, позволял крестьянам обеспечивать потребности собственных хозяйств, снабжать же армию и тыл в условиях большой дороговизны и неналаженного товарообмена было невыгодно. Поэтому сдача 20% приносила весьма скромные плоды – так, в сентябре на ссыпные пункты Крыма поступило лишь несколько сот пудов зерновых и зернофуражных культур вместо ожидавшихся нескольких тысяч. Очевидно, что в случае более длительного пребывания белых в Таврии реализация реформы могла бы дать более ощутимые результаты, но летом – осенью 1920 года говорить о ее «успехе» или «безусловной поддержке со стороны крестьянства» еще не приходилось.

Но если в области аграрной политики Правительство Юга России могло констатировать определенные, хотя и небольшие положительные результаты, то в области финансов, в промышленности дела обстояли значительно хуже. Обесценение крымского рубля достигло к концу октября 1920 года катастрофических размеров – на Константинопольской бирже 1 фунт стерлингов расценивался в 215 тысяч рублей. Если за весь 1919 год на Белом Юге было напечатано денежных знаков на сумму около 3 миллиардов рублей, то с февраля по октябрь 1920-го денежная экспедиция в Феодосии изготовила их на сумму около 177 миллиардов.

Местная крымская промышленность практически полностью обслуживала нужды фронта. Мануфактуру, топливо, даже продовольствие приходилось ввозить из-за границы. Цены в крымских городах продолжали расти – фунт пшеничного хлеба с апреля по октябрь вздорожал с 35 до 500 рублей, а фунт сахара – с тысячи до девяти тысяч. Цены на промышленные товары росли еще быстрее, и пара обуви стоила в августе 42 тысячи, а рубаха – 6 тысяч рублей. В то время как заработная плата рабочих возрастала параллельно и даже с некоторым опережением по сравнению с ценами (минимальная ставка рабочего-металлиста возросла в 6 раз, средняя ставка строительного рабочего – в 12 раз, ставка печатника – в 24 раза), – заработная плата служащих практически не увеличивалась, составляя, например, в августе 1920 года всего около 30 тысяч, тогда как рабочие типографии получали около 65 тысяч рублей. В подобных условиях жизнь в Крыму, особенно в городах, была очень тяжелой, армия и гражданское население ожидали от власти поддержки, не столько, может быть, материальной, сколько духовной, – уверенности в том, что переносимые лишения не напрасны. И огромную роль в этом играла деятельность самого Правителя Юга России генерала П. Н. Врангеля.

* * *

В «крымский» период своей биографии Петру Николаевичу приходилось с огромным напряжением сил и воли поддерживать нормальную работу фронта и тыла. В. В. Шульгин вспоминал: «В этом человеке чувствовался ток высокого напряжения. Его психическая энергия насыщала окружающую среду... Эта непрерывно вибрирующая воля, вера в свое дело и легкость, с какой он нес на себе тяжесть власти, власти, которая не придавливала его, а, наоборот, окрыляла, – они-то и сделали это дело удержания Тавриды, дело, граничащее с чудесным...» По наблюдениям политика и журналиста Н. Н. Чебышева, генерал Врангель «постоянно жил какой-то потусторонней жизнью, дышал дыханием носившейся вдалеке цели», пребывая в состоянии «духовного возбуждения с оттенком экстаза». Буквально каждый день он проводил или на фронте, или в поездках по крымским городам, или в постоянных беседах, встречах, аудиенциях, даваемых и частным лицам, и представителям духовенства, политических организаций, купцам, промышленникам, крестьянам... Добросовестно стараясь вникнуть во все обстоятельства разбираемых проблем, генерал не считал себя вправе оставить без рассмотрения какие-либо дела или прошения. В то же время ему, не обладавшему достаточной осведомленностью во многих гражданских областях, приходилось передавать ряд дел на рассмотрение своих помощников. Сам он так признавался в этом: «Беда в том, что ко мне обращаются с разными вопросами по государственному устройству, по всяким экономическим и торговым вопросам, – что я им могу сказать? Я должен верить тем, кто мне говорит. Я этого не люблю. Дайте мне конный корпус, и я покажу!»



П.Н. Врангель (1) и донской атаман А.П. Богаевский (2) на параде в Севастополе, 1920 год

Но большая трата сил и энергии не была напрасной. Очень многие и на фронте, и в тылу считали, что только благодаря постоянной борьбе можно удержать «последнюю пядь Русской Земли», и значение фигуры Врангеля в этом невозможно переоценить. О последнем смотре им Корниловской ударной дивизии 1 сентября 1920 года один из ударников вспоминал: «Прибытие Главногокомандующего, его пламенная речь и неподражаемый его вопль (иначе нельзя выразиться) – “Орлы-ы-ы Корниловцы-ы-ы!” – сопровождалась для меня непрерывной нервной дрожью и доходившим почти до взрыва внутренним рыданием... Мощный хриповатый голос Главногокомандующего казался надорванным и как бы выражал собой надорвавшуюся Добровольческую армию...»

Да, постоянное, ежедневное, ежечасное напряжение борьбы требовало от ее вождя огромных усилий. Особенно болезненно воспринимались им в такой обстановке любые, даже самые мелкие недостатки работы гражданской администрации или ошибки военного командования. Несмотря на то, что в руководстве Белой Таврии было немало людей профессионального опыта и знаний, все же недостаток высококвалифицированных и, главное, честных специалистов, особенно на среднем и низовом уровнях управления, ощущался очень остро. По воспоминаниям одного из офицеров Штаба Главногокомандующего, Врангель возмущался этим, восклицая: «Где же мне взять честных, толковых людей?!»

Как мало людей хотело приобщиться к «крымской авантюре», наглядно показало проведенное в начале октября «финансово-экономическое совеща-

ние», куда были приглашены из эмиграции такие авторитетные деятели, как бывший министр финансов П. Л. Барк, председатель правления Азовско-Донского банка Каминка, известный финансист и промышленник В. П. Рябушинский... Несмотря на констатацию в итоговых документах совещания, что «производительные силы края и платежные средства населения... с избытком покрывают текущие расходы управления» и «в крае, опустошенном войной и большевицкими приемами управления, быстро крепнут основы свободной хозяйственной жизни и обновленного гражданского строя», – пути преодоления кризиса оно видело лишь в «обеспечении заграничных кредитов», а приглашенные экономисты и политики отказались принять должности во врангелевском правительстве. Во многих вопросах генерал Врангель оказывался одиноким...

Неудивительно, что в этой ситуации Главнокомандующий считал необходимым усиление влияния религии на нравственное состояние армии и тыла, и деятельность Православной Российской Церкви приобрела в Крыму большое значение. Один из офицеров вспоминал, что при весеннем наступлении белых в Северную Таврию, «кажется, в первый раз за всю гражданскую войну полковые священники были на месте: напутствовали части в бой, хоронили убитых и жителям напоминали, что пришло Христоролюбивое Воинство». Управление военным и морским духовенством учредило должности десяти штатных «проповедников армии», в числе которых были не только духовные лица, но и миряне. Праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (14 сентября) был объявлен Главнокомандующим «Днем Покаяния», а два предшествовавших дня – «днями траура и молитвенной памяти убиенных и в смуте погибших». В эти дни запрещались «всякого рода публичные зрелища и увеселения», должны были совершаться торжественные богослужения, во время которых оглашалось особое послание народу; написанное в возвышенных словах, оно призывало всех к покаянию в грехах. В Севастополь прибыла чудотворная икона Божией Матери «Знамение», вывезенная при отступлении из Курской-Коренной пустыни. В дни покаяния икона была встречена на пристани коленопреклоненным генералом Врангелем, а затем в его поезде перевозилась по городам Таврии до Мелитополя и далее – до линии фронта.

* * *

И разумеется, продолжение вооруженной борьбы в Таврии было бы невозможным без хорошо организованной, дисциплинированной Армии. Наследство и здесь оказалось незавидным: части Вооруженных Сил Юга России, отступившие в Крым, были истощены непрерывными боями лета – осени 1919 года; неудача «похода на Москву» подорвала дух Армии, везде чувствовалась усталость, разочарование в успехе борьбы с Советской властью. Принципы «добровольчества», в той или иной мере сохранявшиеся с 1918 года, себя не оправдывали. Требовалось укрепление дисциплины, сплоченности войск. Большой вред приносили многочисленные штабные структуры, интендантства, тыловые службы полков и дивизий, так на деле никогда и не сформированных. Генерал Врангель был решительным противником подобных явлений. Не связанный со своеобразной «добровольческой» дисциплиной, при которой капитан-«первопоходник» мог стать по должности выше полковника Императорской Армии, новый Главнокомандующий был активным сторонником возвращения к традиционным принципам организации и со всей решительностью взялся за переформирование существовавших воинских

структур. В течение марта – апреля было ликвидировано около пятидесяти «бумажных» полков, дивизий и отрядов, весь боевой состав которых подчас не превышал нескольких десятков штыков или шашек. По инициативе П. Н. Врангеля получает широкое распространение термин «Русская Армия», в большей степени, чем прежний, подчеркивающий преемственность и традиции. Происходят изменения и в наградной системе – учреждается орден Святителя Николая Чудотворца, статут которого был близок к статуту Императорского ордена Святого Георгия. К весеннему наступлению, начавшемуся 25 мая, армия была вполне подготовлена, ее части пополнили свои ряды, получили новое обмундирование и вооружение. Эту армию высоко оценивали даже ее противники. М. В. Фрунзе писал: «В результате лихорадочной деятельности Врангеля удается превратить разложившиеся деморализованные, утратившие боеспособность банды в крепко сколоченные, хорошо снабженные и руководимые опытным командным составом войсковые части».

Бои, развернувшиеся на просторах таврических степей, отличались большим упорством и ожесточенностью. Уже в июне в результате отлично спланированной и подготовленной Штабом Главнокомандующего операции был разгромлен один из лучших конных корпусов Красной Армии, возглавлявшийся Д. П. Жлобой. В то же время красным удалось в июле переправиться через Днепр у Каховки и захватить плацдарм, который в течение последующих месяцев, до октября, будет постоянно угрожать белым возможностью нанесения с него удара на Перекоп, отрезающего фронт от крымских перешейков. Июль и август прошли в непрерывных боях, в результате которых численный состав Русской Армии уменьшился более чем наполовину, а пополнения (прибывшие из Польши части, отступившие туда после неудачи в кампании 1919 года, а теперь возвращенные в Россию через Румынию) по своим боевым качествам оказывались ниже испытанных в сражениях старых добровольческих кадров; то же можно было сказать и о мобилизованных тавричанах. Истощенный многочисленными мобилизациями Крым уже не мог давать подкреплений. В строй белых полков ставились военнопленные красноармейцы, нередко снова сдававшиеся в плен в первых же сражениях. Но, несмотря на все это, борьба продолжалась.

В сентябре, в ходе наступления на Каменноугольный бассейн, Русская Армия достигла своих наибольших успехов. Казаки Донского корпуса уже видели терриконы шахт Донбасса, советские учреждения спешно эвакуировались из Екатеринослава. Но здесь Врангеля ожидала та же неудача, которая годом раньше свела на нет все победы Деникина. Фронт снова растянулся, а немногочисленные, хотя и сильные духом полки Русской Армии оказались не в состоянии его удержать.

Впрочем, даже в этих условиях Главнокомандующим было принято решение продолжать дальнейшее наступление для расширения занятого плацдарма. Был форсирован Днепр в районе Александровска, и Кубанская конница стала развивать наступление на Правобережье. Однако 30 сентября был убит командовавший конной группой генерал Н. Г. Бабиев. Окончилась полной неудачей лобовая атака Каховских укреплений красных, несмотря на участие в ней танков. Поражение, по оценке П. Н. Врангеля, привело к тому, что в Армии «исчез порыв, пропала вера в собственные силы... смятение овладело полками».

Положение Белого Крыма усугублялось еще и тем, что в сентябре закончились боевые действия на советско-польском театре, и у руководства Советской



П.Н. Врангель в авиационном отряде, 1920 год

Республики появилась возможность перебросить силы с Западного фронта на Южный. Был выдвинут лозунг «Все на Врангеля!». Полки перевозились отовсюду – из Сибири, с Севера, даже из Средней Азии, откуда прибыл возглавить решающее наступление М. В. Фрунзе. Около 200 тысяч штыков и сабель сосредоточило советское командование против 40 тысяч в составе Русской Армии...

Но все-таки Ставка Врангеля по-прежнему рассчитывала дать решающее сражение в Северной Таврии и отказывалась от идеи отступления в Крым. В этом можно увидеть чрезмерную уверенность Главнокомандующего в возможностях Армии продолжать борьбу, однако скорее стратегия здесь была более прагматической – необходимо было во что бы то ни стало закончить вывоз на полуостров зерна с продовольственных складов Северной Таврии, где скопились миллионы его пудов. На отправке их в Крым для снабжения армии и тыла в течение предстоящей зимы настаивал и А. В. Кривошеин.

Однако наступление большевиков было столь стремительным и сильным, что ослабленные части белых не смогли удержать фронта. Соединения 1-й конной армии С. М. Буденного прорывались к Перекопу, грозя отрезать пути отхода. Неожиданные жестокие морозы ухудшали состояние плохо обмундированных Добровольцев. Лишь доблесть и мужество белых частично спасли положение и позволили большей части Русской Армии все-таки уйти в Крым. Но поражение в Северной Таврии было очевидным. И хотя в официальных сводках Ставки Главнокомандующего говорилось об «организованном», «спланированном» отступлении, при котором красные понесли «большие потери», – по оценке самого Врангеля, результаты сражения оказались гибель-

ными для Армии: «Противник овладел всей территорией, захваченной у него в течение лета... Наши части понесли жестокие потери убитыми, ранеными и обмороженными... Были отдельные случаи массовых сдач в плен... Армия осталась цела, однако боеспособность ее не была уже прежней».

* * *

После отхода Русской Армии на полуостров ее командование планировало организовать оборону, опираясь на «неприступные», как неоднократно объявлялось в крымской прессе, укрепления у Перекопа и Чангара. Население заверялось в возможности «зимовки» в Крыму. Предполагалось, что к весне 1921 года Советская власть будет значительно ослаблена недовольством крестьян и рабочих, и новый «выход из Крыма» будет гораздо более успешным, чем в 1920-м. На заседаниях Правительства Юга России рассматривались вопросы о топливном снабжении городов, проведении съездов новообразованных волостных земств и городских управ. Однако сам П. Н. Врангель, очевидно, считал продолжение вооруженной борьбы в Крыму бесперспективным – следовало только оттянуть возможное падение Перекопских укреплений, многие из которых в действительности существовали только на бумаге. В крымских портах к ноябрю было накоплено достаточное количество топлива, и, по оценке Главнокомандующего, тоннаж судов также был достаточным для эвакуации всех желающих выехать (необходимо отметить, что об этих приготовлениях знали только сам Врангель и командование Черноморского Флота). О том же, что даже в случае успешной обороны зимовать в Крыму было невозможно, свидетельствует хотя бы тот факт, что запасы зерна на полуострове не превышали 3 миллионов пудов; по самым скромным расчетам, этого количества хватило бы только до марта 1921 года, после чего Крыму угрожал бы голод.

Штурм Перекопских позиций начался в Октябрьскую годовщину. Накануне генерал Врангель присутствовал на благотворительном вечере Корниловского Союза. «Мое отсутствие на вечере, устроенном союзом полка, в списках которого я состоял, могло дать пищу тревожным объяснениям, – вспоминал он впоследствии. – Я пробыл на вечере до 11 часов, слушая и не слыша музыкальных номеров, напрягая все усилия, чтобы найти ласковое слово раненому офицеру, любезность даме-распорядительнице». А тем временем на фронте разразилась катастрофа.

Предпринятые по инициативе Главнокомандующего перегруппировки не были закончены к моменту штурма, и белым приходилось идти в контратаки без необходимой подготовки и отдыха. Бесперывные бои измотали войска. К вечеру 28 октября генерал А. П. Кутепов телеграфировал в Ставку о прорыве Перекопских укреплений – «по его словам, дух войск был значительно подорван. Лучшие старшие начальники выбыли из строя и рассчитывать на удачу было трудно». И в эти грозные для Белого Крыма дни генерал Врангель проявил лучшие качества своего характера, проведя эвакуацию выдержанно, без паники, организованно погрузив на корабли большую часть Армии и множество гражданских беженцев. Он постоянно поддерживал связь с отступающими войсками, принимал многочисленные делегации, договаривался о помощи со стороны иностранных государств... 29 октября Правителем Юга России и Главнокомандующим Русской Армией был издан приказ об оставлении Крыма.

Отмечая героизм войск и призывая к выдержке гражданское население, он вместе с тем предупреждал тех, кто собирался разделить с Белой Армией ее дальнейшую судьбу: «Для выполнения долга перед армией и населением



Учения пулеметчиков в Галлиполи, 1921 год

сделано все, что в пределах сил человеческих. Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает». Одновременно с этим приказом специальное сообщение предупреждало, что «Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем». – «Все заставляет Правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственной опасности от насилия врага, – остаться в Крыму»...

Впоследствии в адрес Врангеля звучали обвинения, что этим советом многие чины Армии и гражданской администрации были побуждены остаться на расправу большевикам (в захваченном Крыму сразу же развернулся дикий террор против всех категорий населения). В то же время, по воспоминаниям очевидцев, большинство желавших выехать могло сделать это беспрепятственно. Во всех портах, за исключением Феодосии, погрузка проходила с максимально возможной для столь критической обстановки организованностью и спокойствием. Войскам удалось оторваться от преследователей на несколько переходов и погрузиться без особых трудностей. Во всяком случае, в сравнении с эвакуацией Новороссийска в марте 1920 года крымская эвакуация выглядела намного спокойнее.

Одним из последних покинул Севастополь сам Петр Николаевич. Произнеся речь перед юнкерским караулом, Главнокомандующий днем 1 ноября 1920 года погрузился на крейсер «Генерал Корнилов». 3 ноября крейсер подошел к Феодосии, где генерал проконтролировал погрузку казачьих частей. После этого эскадра из 126 судов (большинство боевых кораблей и транспортов Черноморского Флота) вышла в открытое море. Последний период Белой борьбы на Юге России завершился.

*Крест в память пребывания
чинов Русской Армии в
военных лагерях за границей*

* * *

Белый Крым покинуло более 145 тысяч человек, из которых около 70 тысяч составляли военные. Перед генералом Врангелем встала задача обустройства огромного числа военных и гражданских беженцев, обреченных на полуголодное существование на чужбине. Считалось необходимым сохранить Армию для продолжения вооруженной борьбы с большевизмом в ближай-

шем будущем, поэтому еще 3 ноября Главнокомандующий отправил с борта «Генерала Корнилова» радиограмму, которой предлагал представителям Антанты в Константинополе использовать русские части для несения оккупационной службы в районе турецкой столицы и проливов и борьбы с «революционными» войсками Кемаль-Паши. Однако это предложение осталось безрезультатным, а прибывшей русской эскадре предстояло испытать всю тяжесть многодневного пребывания на рейде Константинополя. Имевшиеся скудные продовольственные запасы были быстро исчерпаны. Находясь в стесненных, антисанитарных условиях, русские беженцы не имели возможности даже сойти на берег – это было запрещено «союзной» военной администрацией. На кораблях начались болезни, за кусок хлеба приходилось отдавать свое последнее имущество, многие, не выдержав тягот перехода и поражений, кончали жизнь самоубийством.

В этих условиях вся энергия П. Н. Врангеля была направлена на хлопоты в иностранных посольствах – прежде всего Франции как единственной страны, признавшей Правительство Юга России, – с ходатайствами о предоставлении места для военного лагеря и размещении гражданских беженцев в Балканских государствах. Переговоры увенчались успехом, и в начале 1921 года большая часть гражданских лиц была размещена в Сербии, Болгарии, Румынии и Греции. Был организован специальный эмигрантский комитет, генерал Врангель дал поручение исследовать возможности организации земледельческих колоний близ Константинополя. Вывезенные из Крыма больные и раненые были размещены в приспособленных под лазарет залах русского посольства. Затем, по инициативе Главнокомандующего, в Париже был образован «Деловой Комитет», который принял на себя финансовую помощь русским беженцам. Его возглавил бывший министр финансов Правительства Юга России М. В. Бернацкий, а в состав вошли представители Главного Командования, Всероссийского финансового союза, Комитета банков, Красного Креста и Земско-Городского Союза. О поддержке генерала Врангеля заявил Парламентский Комитет, организовавшийся в Константинополе из бывших членов Государственного Совета и Государст-

венной Думы. Подобные же заявления сделали русские национальные комитеты в Болгарии и Сербии.

Но если положение гражданских беженцев было более или менее определенным, то присутствие русской вооруженной силы оказалось совершенно нежелательным для вчерашних союзников, правительства которых уже не собирались продолжать поддержку сопротивления большевизму. Для Русской Армии не было места в Европе. Надо сказать, что и многие эвакуировавшиеся из Крыма военные скептически оценивали перспективы продолжения вооруженной борьбы, подавали рапорты об отставке, переходили на положение гражданских беженцев. Врангель понимал, что необходимо снова, как весной 1920-го, заявить, что борьба не окончена, вернуть Армии веру в победу и правоту Белого Дела.

Еще 15 февраля 1921 года во время смотра в Галлиполийском лагере Главнокомандующий сказал войскам: «Как солнце прорвалось сквозь темные тучи, так осветит оно и нашу Россию... Не пройдет и трех месяцев... и я поведу вас вперед, в Россию». А 22 марта, в годовщину принятия командования Вооруженными Силами Юга России, он обратился к своим соратникам с воззванием: «С непоколебимой верой, как год тому назад, я обещаю вам с честью выйти из новых испытаний. Все силы ума и воли я отдаю на службу армии... Как год тому назад, я призываю вас крепко сплотиться вокруг меня, памятуя, что в единении сила наша».

Сплотить Белую эмиграцию, особенно военную ее часть, Врангель стремился, несмотря на крайне тяжелые условия. Казна была практически пуста, оставшихся средств едва хватало на расчеты с французской администрацией, снабжавшей Армию и гражданских беженцев продовольствием; в уплату за их содержание Франции были переданы и корабли Черноморского Флота. Лагерь близ Галлиполи, где разместились сведенные в полки бывшие части Добровольческой Армии, строился буквально на голой земле. «Союзное» командование бдительно следило за тем, чтобы общение Главнокомандующего со своими войсками было как можно более редким. Но даже и в немногие посещения Врангелем Галлиполи, на смотрах и парадах Армия чувствовала былую силу и авторитет своего Вождя. «Мы верили генералу Врангелю, – писал один из офицеров. – Верили безотчетно... Это была вера в человека... в его высокие качества и преклонение перед носителем Белой идеи, за которую тысячи наших братьев положили свои жизни».

Большую часть времени генерал проводил на своей яхте «Лукулл», ставшей своеобразной плавучей Ставкой последнего Главнокомандующего. Но 15 октября 1921 года яхта, стоявшая на рейде Константинополя, была протаранена итальянским пароходом «Адрия» и затонула через несколько минут. Удар пришелся как раз в ту часть судна, где находилась каюта Врангеля. Его самого и его семью спасла случайность – в это время они находились на берегу. Разбирательство так и не было доведено до конца, однако преднамеренный характер аварии был вполне возможен: непримиримость Врангеля не только была хорошо известна большевикам, но и мешала осуществлению планов распыления Армии, которые вынашивало французское командование. Бывшие союзники уже считали, что в новых условиях гораздо выгоднее сотрудничать с РСФСР, чем поддерживать враждебные ей силы...

В этих условиях Главнокомандующий начал переговоры с балканскими государствами о предоставлении убежища частям Русской Армии. К концу апреля 1921 года Болгария согласилась принять 9000, Сербия – 7000 воен-



ных, и уже в конце года основная часть Армии была вывезена в эти страны. Последний солдат покинул Галлиполи 5 мая 1923 года.

* * *

После эвакуации из Галлиполи П. Н. Врангель вместе с семьей переехал в Сербию. Здесь он оказался в центре политических страстей, раздиравших русскую эмиграцию. Если бывшие деятели левых партий требовали роспуска Армии, то представители монархических кругов намеревались освободить Россию только при условии открытого провозглашения Армией лозунга возрождения монархии. Эмигрантский Белград был одним из центров русского монархизма, и от Петра Николаевича во многом зависело, будет ли открыто провозглашен этот лозунг, или Армия останется верной своей традиции быть вне политики. Позиция Врангеля определялась его словами: «Главкомандующий твердо решил сделать все, чтобы Армия не была вовлечена в политическую борьбу»; отношение же его к идее реставрации напрямую зависело от реальных ее возможностей. Речь шла о восстановлении не просто «принципа», но монархии как реальной силы, пользующейся доверием и авторитетом среди большинства населения России. Провозглашение же монархического лозунга в эмиграции считалось генералом преждевременным. По его словам, «Царь должен явиться тогда, когда с большевиками будет покончено... когда уляжется та кровавая борьба, которая предстоит при их свержении. Царь не только должен въехать в Москву «на белом коне»: на нем самом не должно быть крови гражданской войны – и он должен явиться символом примирения и высшей милости». Появление «царя» в эмиграции, без силы и власти, было для генерала Врангеля абсурдным.

Для сохранения военной структуры и одновременно – недопущения осложнений с иностранными государствами П. Н. Врангелем было принято решение о создании на основе подразделений Русской Армии «Русского Обще-Воинского Союза» – организации, призванной осуществлять взаимодействие между ячейками Армии в различных странах. И хотя основную работу по формированию структур РОВС пришлось вести уже не Врангелю, а его преемникам, в первую очередь генералу Кутепову, – у истоков крупнейшей военной организации Русского Зарубежья, существующей и по сей день, стоял именно Петр Николаевич. В письме генералу Шатилову от 26 сентября 1923 года Главкомандующий писал: «Армия, нашедшая себе приют на Балканах, ныне стала на ноги, за участь ее мы можем быть спокойны. Вокруг нее надо собрать тех воинов, которые рассеяны по всему миру», – и 1 сентября 1924 года был издан приказ об образовании РОВС. Первым председателем Союза стал П. Н. Врангель, им же назначались начальники Отделов. Таким образом устанавливалась организация, спаянная крепкой дисциплиной, жесткой военной иерархией, готовая в любой момент стать



*На погребении генерала Врангеля, 6 октября 1920 г. Слева направо:
генерал-майор В.К. Венков, генерал-лейтенант М.А. Фостиков,
генерал-майор Д.В. Репников, генерал-майор Остроухов*

основой для создания новой Армии и продолжения борьбы с Советской властью. Помимо военной структуры, отделения которой были действительно разбросаны по всему миру, РОВС имел кассы взаимопомощи, оказывал поддержку военным эмигрантам в поисках работы, предоставлял им материальную помощь.

С самого момента возникновения новой военной организации вокруг нее началась политическая борьба. Высший Монархический Совет в Берлине настаивал на принятии Союзом монархического лозунга, продолжалось соперничество сторонников Великих Князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича. Большое давление в связи с этим оказывалось и на Врангеля, тем более что 31 августа 1924 года Кирилл Владимирович издал «Манифест о восшествии на Престол» (еще в 1922 году, объявив себя «Блюстителем Престола», он призывал Главнокомандующего Русской Армией к сотрудничеству). Великий Князь Николай Николаевич резко выступил против этого акта. Русской военной эмиграции грозил раскол. Полагая, что передача управления Николаю Николаевичу, бывшему Верховному Главнокомандующему Российской Императорской Армией во время мировой войны, даст изгнанникам более авторитетного вождя, П. Н. Врангель 16 ноября 1924 года признал его Верховное руководство зарубежным воинством.

Думается, что не только политические соображения руководили Петром Николаевичем в этом акте. Сказывалась, очевидно, и та огромная усталость, которая была результатом практически непрерывной военной и политической борьбы, начавшейся еще в 1914 году и все более и более обост-

рявшейся. Во главе РОВС должен был стать более энергичный, более активный лидер, – и в повседневной деятельности Союза все большим влиянием пользовался генерал Кутепов, сторонник немедленной и активной борьбы. Врангель же теперь большую часть времени занимался подготовкой к печати своих воспоминаний, работу над которыми он начал еще во время пребывания в Константинополе и Сербии в 1920–1923 годах. Формально сохраняя за собой пост Главнокомандующего, фактически он уже отошел от повседневных дел.

* * *

Последние годы жизни Врангеля прошли в Брюсселе. По воспоминаниям генерала Шатилова, «его уже не привлекало общество, он всячески его избегал. Он находил удовольствие только в беседах с близкими ему лицами... От привычки к достатку, к материальным удобствам жизни не осталось и следа. Прежняя резкость в суждениях о людях сменилась терпимостью и снисходительностью... Когда вспоминаешь это время его жизни, то невольно кажется, что хотя он был, казалось бы, еще совсем здоровым, но уже предчувствовалась близость кончины». Петр Николаевич снова вернулся к той специальности, с которой начинал свой жизненный путь, – профессии горного инженера. Много внимания и сил уделял он подготовке к изданию своих «Записок». Однако увидеть свет они смогли только после его кончины. Незадолго до смерти, передавая рукопись для издания, генерал поставил условием, «чтобы части армии, военные союзы и отдельные чины их при покупке книг пользовались бы возможно большей скидкой».

Последние дни Петра Николаевича прошли в окружении родных и близких ему людей. Смертельная болезнь протекала тяжело, с мучительными обострениями и приступами. Ослабленный ранениями, лишениями, перенесенным тифом организм был окончательно подорван гриппом, перешедшим в тяжелую форму туберкулеза и осложнившимся нервным расстройством. Лечивший генерала профессор Алексинский вспоминал, что Врангель жаловался на страшное нервное возбуждение: «Меня мучает мой мозг... я не могу отдохнуть от навязчивых ярких мыслей... Мозг против желания моего лихорадочно работает, голова все время занята расчетами, вычислениями, составлением диспозиций... Картины войны все время передо мною, и я пишу все время приказы»... 12 апреля 1928 года генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель скончался. «Боже, спаси Армию...» – было его последними словами.

Через полгода тело покойного Главнокомандующего было перенесено в Белград и здесь 6 октября погребено в русском Православном храме, под сенью склоненных знамен старых русских полков. Траурная церемония стала своеобразной демонстрацией верности Армии своему Вождю, теперь уже – его памяти.

Отдавая последние почести своему Главнокомандующему, вчерашние боевые соратники вряд ли представляли, что многие из них собираются вместе в последний раз. Действительно, никогда уже после похорон генерала Врангеля русская военная эмиграция не собиралась в таком полном составе. А вскоре РОВС постигли еще два тяжелых удара: в январе 1929 года скончался Великий Князь Николай Николаевич, а еще через год в Париже советской разведкой был похищен и убит генерал Кутепов. Высший подъем деятельности Союза уже оставался позади...

* * *

Генерал Петр Николаевич Врангель, его личность и вся его военная биография стали для Белой Армии своеобразным символом непримиримости. Несмотря на то, что Гражданская война уже закончилась, для тех, кто разделил судьбу русского воинства даже вдалеке от России, Врангель был Вождем, под руководством которого можно было надеяться на конечный успех Белой борьбы, на победоносное возвращение на Родину. Именно в силу этого личность последнего Главнокомандующего Русской Армией среди военной эмиграции оставалась как бы вне критики. Забывались и прощались ошибки, допущенные им во время войны (в частности, весьма неоднозначная позиция в конфликте с А. И. Деникиным), неудачи и просчеты в борьбе за Крым в 1920 году. П. Н. Врангель становился непререкаемым авторитетом, и такая его оценка преобладала и преобладает в большинстве произведений авторов Белой эмиграции, посвященных событиям Гражданской войны на Юге России.